

рассуждениям, которые мне представились, совсем иного об оном мнения, а именно: что в нашем отечестве в его теперешнем положении совсем иной главный предмет быть должен, нежели мануфактуры или торговля. Забудем сие, и следуй, пожалуй, порядку моих мыслей. Итак, я скажу тебе, что бы ты со мной предпринял, что мы в колонию приехали на пустынный остров, я спрошу тебя: о чем будет состоять наше первое попечение на нашем пустом острове с нашею колониєю? Без всякого сомнения мы примем меры завести хлебопашество и будем стараться приискать лучшие средства для умножения оного. Вот, любезный мой, положение нашего отечества, и оно в рассуждении сего совершенно на предположенный мной остров походит». Из этого Зиновьев делает вывод: «Первый по сему предмет нашего правительства я поставляю, чтобы оно устремило всю свою власть поощрять и размножать хлебопашество». Для достижения этой цели Зиновьев намечает план реальных мероприятий по ограничению крепостного права, смягчению крепостнических порядков в армии и — во внешней политике — отказа от разорительных агрессивных войн: «Все меры правительство должно взять, чтобы предупредить уменьшение народа. Для сего 1-ое сделать учреждение, которое бы препятствовало помещикам употреблять во зло их власть и быть грабителями и тиранами их подданных. 2-ое. Хорошим учреждением стараться установить порядок доведения рекрут в назначенное место, а чтобы те, которые их ведут, принуждены были падать сих несчастных и себе подобных. 3-ье. Когда они доведены будут до места, чтобы командиры сим солдатам были бы некоторым образом обязаны облегчать по возможности и удобству их состояние. 4-ое. Избегать всех ненужных войн». Особое внимание Зиновьева привлекает необходимость судебной реформы по английскому образцу: «Тебе известно, что у нас тьма законов, между которыми немалое число противоречащих, что, напр<имер>, гражданина <в значении «штатского», — Ю. Л.> судят часто по морским и военным уставам, что законы ни судье, ни преступнику, ни большей части публики, самим стряпчим и секретарям очень часто неизвестны и что они чрез беспорядок как бы находятся в закрытии и, по моему мнению, некоторым образом на инквизицию походят, ибо преступник, хотя знает, что он по закону обвинен, но ни он, ни судья, а часто секретарь, который по своей должности у нас тысячи законов знать обязан, не уверены — нет ли другого последнего закона, которым виновной оправдан быть должен? Приняв сие, ты видишь, как тяжело честному и чувствительному человеку быть у нас судьей».²⁴

Особенно враждебен Зиновьеву деспотизм. Все симпатии его на стороне конституционно-монархического порядка английского

²⁴ Журнал путешествия... л. 108—110 об.